

ЕСЛИ Б Я ПОЭТОМ НЕ БЫЛ, ТО СТАЛ БЫ ЗВЕЗДОЧЕТОМ

ВОТ КАК далеко, по свидетельству пещавоптимиста с трагической судьбой, разошлись поэзия и астрономия уже к началу XX века.

По привычке звездочеты, то бишь, астрономы считались не от мира сего, этиками по-монашески отрешенными отшельниками. К ним долго относились иронически, пренебрежительно, в лучшем случае добродушно пошмеиваясь, как над безобидными чудаками. И мало кто вспоминал, что этот устойчивый стереотип взрывается образом великого Омара Хайяма, автора наиболее точного календаря, которым, говорят, пользуются и ныне при запуске спутников Земли.

Не случайно я заговорил об астрономии, поскольку хочу предложить вашему вниманию два стихотворения Молла Панах Вагифа, поэта-ларика, тоже немало увлекавшегося астрономией. Оба этих стихотворения посвящены Новрузу. Астрономия входила в широкий круг интересов разносторонне одаренного Вагифа, одно время он занимался ею на профессиональном уровне. Кажется, Вагиф был последним в ряду ваших классиков, которые изучали звездную науку всерьез: Мехсети ханум, Хагани, Низами. Перечитайте их, и вы снова убедитесь, сколь обширны были их познания в астрономии. И главное —

ведь они писали не сами для себя же. Подразумевалось, что их порою головокружающие образы будут понятны и читателю, т. е. и читатель достаточно сведущ в науке о телах и делах небесных.

Нам же приходится признаваться, что, к сожалению, мы позабыли и те элементарные знания по этой дисциплине, которые «проходили» в средней школе. Но вестное равноденствие мы запомнили навсегда. Да возможно ли забыть, ведь это праздник, большой праздник, вечный праздник! А когда-то, в глубокой древности, было очень и очень непросто устоявить этот день и нам. И сделал это крупный знаток законов звездного неба, но очень земной человек, жизнелюб, похожий, как мне кажется, на Вагифа, которого никак не назовешь ни аскетом, ни затворником.

Не хочется, совсем не хочется заключать свое вступление печальными строками. Но из песни слова не выкинешь. Мало того, что ныне, как и тогда, упрямо спрашивается первая строка его знаменитой, хрестоматийной гошмы: «Настал байрам — как быть, не понимаю...» Еще горше сознавать, что в краю, где родился Вагиф, рвутся снаряды и летят звезды, а в Карабахе, где его звезда возшла в зенит и пала, находясь в апогее, мы не можем при-

ти к его пробынице и помянуть его в эти дни, как велит народный обычай. Что ж, почитим его память здесь, на бакинском взгорье...

А жизнь продолжается, и Праздник, даже омраченный войной, остается праздником. И потому предлагаю вниманию читателей переведенные мною две гошмы Вагифа. Одна из них, видимо, сочинена в ранний период жизни и творчества, когда он еще не покидал родного Казахстана, вторая же создана уже в зрелый период.

В. КАФАРОВ.

Как стая горделивых лебедей,
В Казах на праздник
Засели у зеркал и, до ушей
Дотягивая брови, рдели
девушки.

Все выточены ладно,
как одна,
И чернотой кудрей
оттенена
Их безупречной кожи
белизна,
Нет слов, прекрасны
в самом деле девушки.

Ресницами, как стрелами,
Прехватив неосторожный
А речи, так, бывало,
Как будто только сахар
ели девушки.

Беда со мной, великая беда,
Вагиф изранен нами,
Но снова разлетелись
Меня сласти не захотели

Красотки на байрам
И дом подобен цветнику
Фялки бы кудрей
Перебирать по волоску

Кто этот праздник
Кого невзгода со свету
С возлюбленною сутки
Пробьют бы, отгнав

Испарину подруги
Сочти росой
Признания в любви
Любое сердце начеку

На брови глянь,
И к локонам прижми
Умри, настал твой час,
Как подобает
Смелчаку, сегодня.